

Письмо в Ладушкин из Ленинграда от 23 февраля 1969 г.

Дорогая Сашуленька!

К сожалению, в пятницу и субботу у меня были очень беготливые дни, так что письмо пишу только сегодня - в воскресенье утром.

Долетел я нормально, кинул вещи в общежитии и отправился на кафедру, где застал только Пудовкина и Свету Зайцеву. От них я узнал, что на днях был Славик, и что он собирался уезжать в конце недели, что в марте в Апатитах будет космофизическая школа, что Б.Е. давно не было в Ленинграде, но, возможно, скоро будет. Что Распопов в ГДР не едет, а, значит, и нет группы ЛГУ. Что у Аиды родился сын, и у Славика родился сын, коего нарекли Артуром.

С кафедры я пошёл в 1-е общежитие, где оставил записку Севе, а затем вернулся на Шевченко. Там по-прежнему бардак. Ваха по пьянке подрался с Мишей (армянином, который раньше жил со мной в 98-й комнате), а когда я пришёл, они уже мирились, после чего мне пришлось выслушивать душевные излияния каждого по отдельности. К счастью, для меня нашлось чистое бельё, и хоть спать я улёгся в нормальную кровать, а не на голый матрас.

С утра поехал в университет, получил деньги, отправил тебе перевод, послал телеграмму Б.Е., что я в Ленинграде. Затем пришёл Сева, сообщил, что в субботу вечером уезжает в Севастополь. Мы сходили с ним в пивбар, поболтали и разошлись, договорившись, что я приду проводить его к поезду. Затем я вернулся на кафедру, надеясь, что туда, возможно, заглянет Славик, но так и не дождался его. Всю субботу я ловил Славика и поймал его только к вечеру. Оказалось, что он тоже уезжает этим вечером. Я попросил его поторопить Б.Е. с ответом и теперь надеюсь, что долго ждать мне не придется. Мы долго болтались со Славиком по городу и прозевали Севин поезд (он отходил в 23.15). Когда мы прибежали на вокзал, было 23.14, и поезд тронулся прежде, чем мы добежали до Севиного вагона. Так я Севу и не проводил.

А со Славиком я распрощался в 01.25, после чего пошёл ловить такси. Такси я поймал только в 02.45, чуть не сдохнув от холода к этому времени. И что обидно было: ведь Люба с Жоркой живут где-то у Московского вокзала, а я не знал их адрес.

Так прошли эти два дня. Теперь буду ждать письма от Б.Е. В Ленинграде пробуду, по-видимому, ещё неделю, а потом - на Север. Насчёт командировки и денег я уже договорился с Распоповым. Обязательно сообщу тебе телеграммой, когда поеду.

Посылаю тебе текст статьи. Отпечатать его нужно через два интервала и оставить слева поле в 4 см. В списке литературы под № 1 должна быть ссылка на твою маленькую статью в разделе "хроника", так как там описана аппаратура. Пусть тебя не смущает интерпретация Рс-3 тороидальными колебаниями, так как ответственность за эту идею несёт автор статьи, на которую ты ссылаешься. Упомянуть же о квазиторoidalных колебаниях не стоит, так как о них ещё ничего не писалось.

Сашуленька, пожалуйста, не тяни со статьей - очень тебя прошу!

Сегодня пришёл перевод из Севастополя. Я напишу маме, чтобы в марте денег не присылали, а купили бы Иринке пальто. Сколько прислать тебе ещё? Пиши. Ну вот, Сашуленька, на этом кончаю. С нетерпением жду твоего письма. Не нашёл ли ключик от моего чемодана? А то хоть ломай эти новые замки. Тот ключ, что я привёз, не подходит.

Ну, до свидания, моя славненькая. Крепко, крепко тебя целую.

Твой Саша.

____P.S. У меня идея созрела: едем на Север, зарабатываем на машину и поселяемся в Красном. Годится?

— В этом письме фигурирует Сева Орлов. Он выпускник нашей кафедры 1968 года, то есть только что окончил университет. В отсутствие Славы и Юры я искал себе новых если не друзей, то приятелей, главным образом, среди шедших за нами студентов. Тем более, что почему-то стали понемногу остывать наши дружеские отношения с Димулей. У него появились какие-то новые друзья, не физики, вернее, не только физики, с которыми он меня не знакомил. Я ревновал в душе, но что поделаешь. С ними ему было, видимо, интереснее. Мы, правда, продолжали иногда вместе бегать пить кофе, но что-то было уже не то...

— Новыми же моими приятелями были Сева Орлов, Володя Барсуков. Сева - интеллигентный, немного романтичный юноша, большой любитель поэзии. Скорее всего от него ко мне попали стихи Бродского, "Реквием" Ахматовой. Сева почему-то хотел ходить в море, и я просил папу устроить его и ещё одного выпускника к себе в экспедицию, куда брали геофизиков. В описываемую субботу Сева как раз уезжал в Севастополь. Наверное, я собирался передать с ним что-нибудь родителям.

— А со Славиком, гуляя по морозному вечернему Ленинграду, мы, конечно, обсуждали перипетии моих последних ладушкинских приключений. Славик осуждал моё лихачество, ведь он и раньше предупреждал меня, чтобы я был разборчивее с теми, кому даю чего-нибудь почитать или вообще разговариваю о жизни. Виталькина трусость его не удивила, Славик и раньше чувствовал в нём что-то настораживающее, некоторую небескорыстность, например. Не очень любили Чмырёва и в Ладушкине, Лие Силячевской и Вале он почему-то не нравился, хотя поначалу его появление в Ладушкине было встречено с некоторым даже энтузиазмом, всем скопом помогли ему отремонтировать квартиру, а потом как-то охладели к нему. Я же до сих пор в нём особых недостатков не замечал.

— А вот что остальные не испугались и поддерживали меня, хотя бы морально, Славику понравилось.

— Я же говорил тебе, что публика наша в Ладушкине, по крайней мере, порядочная. Я как-то даже сроднился с ними за это последнее время, - делился я со Славиком своими впечатлениями.

— Письмо в Ладушкин из Ленинграда от 25 февраля 1969 г.

— Дорогая Сашуленька!

— Я сейчас вернулся из кино, смотрел первые две серии "Братьев Карамазовых", и вдруг захотелось написать тебе хоть пару строчек. Своё впечатление от фильма я ещё не могу выразить точно, но пропустить его, по-моему, никак нельзя. Потрясающе великолепен старик Карамазов. Отличный Смердяков.

— Сейчас около шести часов. Я в общежитии. В комнате никого нет. Спущусь вниз, пообедаю и сяду позаниматься.

— Вот и всё. Любаша коротко постриглась и в результате очень хорошо выглядит. Ей идёт такая стрижка. Военный билет и пропуск я получил. А что же ты даже записочку в конверт не вложила? Это я не сержусь, я тебя крепко целую.

— Твой Саша.

— P.S. От Б.Е. ещё ничего нет. К сожалению, нет авиаконверта.

— Письмо в Ладушкин из Ленинграда от 28 февраля 1969 г.

— Дорогая Сашуля!

— Вчера, наконец, получил письмо от тебя, из которого толком не понял намерений комиссии (1), да тогда и тебе, наверное, не было всё ясно. Но, теперь, надеюсь, всё стало на свои места, и ты подробно обо всём напишешь.

— От Б.Е. ни слуху, ни духу. Я уже начинаю нервничать.

— Завтра буду рассказывать о своей работе на семинаре аэрономщиков. Распопов опять клеится ко мне, предлагает совместную работу напечатать - он тут тоже между делом пробавляется Рс-5. Выступал он на кафедре. Я его слегка притопил сначала, чему очень обрадовалась вся кафедра, а потом помог ему выкарабкаться, чтобы кафедра не слишком радовалась.

— По вечерам хожу в "Юбилейный" смотреть баскетбол. (2)

— Прочёл первый (наш!) том Хэмингуэя - рассказы и "Фиеста". Читал с удовольствием.

— Погода в Ленинграде солнечная. Днём минус 5, а утром и вечером минус пятнадцать - двадцать.

— Больше, собственно и не о чем писать. Но всё же это третье письмо за неделю. Бери с меня пример. Есть ли что-нибудь из Севастополя? Я кроме перевода ничего не получил.

— Крепко, крепко тебя целую.

— Твой бородач.

— Порохова здорово на меня ругается, что я курю в кабинете покойника. (3)

1) А в Ладушкине тем временем волнения продолжались. Нагрянула комиссия: главбух Лепилин и начальник отдела кадров Яньшина из ИЗМИРАН и некто Богородский - чиновник из Президиума Академии Наук. Приехали проверять всю деятельность станции. Богородский беседовал с каждым сотрудником станции по отдельности о том, о чём, не проявляя вроде бы направленного интереса к каким-то конкретным поступкам Суходольской, но делая странные намёки на её небезгрешность. Все догадывались, что причина приезда комиссии связана с жалобами Околович и Алексеевой, а, может, и ещё с чьими-нибудь - местных властей, например. Так или иначе, но примерно через месяц Аллу Николаевну освободили от должности начальника станции и перевели в ИЗМИРАН, а на её место назначили... Стасика Тихомирова.

2) Тогда в ленинградском "Спартаке" только восходила звезда юного Саши Белова. Я был в восторге от его игры, от страстной самоотдачи игре. Специально ходил смотреть Белова. Справедливо, что именно ему довелось сделать "золотой" бросок на последних секундах финального матча с американцами на Олимпиаде в Мюнхене. Кто бы мог подумать, что он умрёт совсем молодым?

3) После смерти Бориса Михайловича Яновского его кабинет на кафедре пустовал, и я часто занимался в нём и, разумеется, курил там же, что Люся Порохова воспринимала как кощунство.

Письмо в Ладушкин из Ленинграда от 4 марта 1969 г.

Дорогая Сашуля!

Получил только что твоё второе письмо. Пишу четвёртое. Сегодня послал Б.Е. телеграмму такого содержания: "Беспокоюсь молчанием готов ехать Апатиты телеграфируйте согласие поездку". Командировку я уже выписал, так что как только получу от него телеграмму, сразу же уеду. А пока я занимаюсь всякими мелочами по своей работе. В субботу рассказывал о ней на семинаре аэрономщиков. Всем понравилось. Правда, я рассказал только половину - о Рс-5, но и это заняло у меня больше двух часов.

В воскресенье был у Любки с Жоркой, съели баночку красной икры, которую мне

удалось раздобыть в общежитии. Всё-таки икра - это вещь!

— Сашуленька! Статью, я думаю, надо отправить в ИЗМИРАН (если это вообще обязательно) не откладывая, а Виталик пусть ускорит экспертизу, когда будет в Москве.

— Сегодня же получил письмо от папы с препотешными Иринкиными рисунками.

Письмо не очень радостное: папа разругался с начальством и подал заявление об отставке. Ребята (Сева Орлов и его напарник) пока никак не устроятся с жильём - на катерах их не прописывают. Что же касается нашей доченьки, то она в полном порядке.

— Последние дни хожу взвинченный: молчит Б.Е., ничего не было из Севастополя, да и ты письмами не балуешь. Плохо сплю. Окаянный монгол храпит как мотоцикл без глушителя или даже как трактор. Но как ни странно - встаю не позже девяти часов. Вот и сейчас - глаза слипаются, а лечь боюсь - не усну. Ещё немного позанимаюсь. Вахи нет (уехал домой), а монгол, когда не спит, то его не видно и не слышно - в этом отношении он очень удобен. На этом и кончаю.

— Крепко тебя целую.

— Твой Саша.

(продолжение следует)